

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Касаткин В. Н., Китарев Н. Н.

СНОВИДЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ УБИЙСТВО, КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ (МАТЕРИАЛЫ ОПРОСА ОСУЖДЕННЫХ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ)

Вопросы использования сновидений правонарушителей в процессе доказывания их вины давно интересуют ученых [1]. Традиционным считается изучение сновидений психических больных, совершивших тяжкие преступления против личности, и по определению суда находящихся на принудительном лечении [2, с. 15-21]. Однако очень немного исследований сновидений убийц, которые признаны вменяемыми [3, с. 105-107].

В 2002г. Р.С.Сатуев в одной из своих публикаций заявил: «Подчеркивая значимость сновидений в жизни человека, в том числе и в борьбе с преступностью, к моему сожалению, я не готов предложить методики использования феномена сновидения, как средство, пусть получения значимой ориентирующей информации в выявлении и расследовании преступлений» [4, с. 245].

Однако такие методики существуют.

Судебно-психиатрическая оценка различных видов психических расстройств может быть связана с диагностикой сновидений подэкспертного лица, что доступно далеко не каждому эксперту. При этом необходимо отметить, что у многих подэкспертных бывает трудно получить нужные сведения о сне и сновидениях, да и достоверность последних часто выглядит очень сомнительной. Некоторые лица, совершившие убийства, скрывали свои сновидения от экспертов, опасаясь, что такая откровенность отразится на отношении к их криминалу.

Иное отношение к изложению своих сновидений у лиц, в отношении которых уже вынесен судебный вердикт. В такой ситуации человек ведет себя гораздо откровеннее, поскольку понимает, что объективный рассказ о сновидениях не повлияет на меру наказания (она уже определена). Особый интерес исследователей может вызывать изучение сновидений лиц, осужденных к смертной казни за совершение убийств. Такое исследование, занявшее период 1981-1993гг. было проведено одним из авторов, а результаты очень кратко изложены в его диссертационной работе [5, с. 166]. Опросу по специально составленной анкете подверглись 53 человека, осужденных к исключительной мере наказания и содержащихся в следственном изоляторе г. Иркутска [6]. Существенную помощь в организации опроса оказали начальник отдела прокуратуры Иркутской области В.М.Титов и старший прокурор того же отдела А.В.Гаврилов, обеспечившие необходимое расположение опрашиваемых к предложенному анкетированию [7].

Из 53 респондентов 46 человек заявили о неоднократных сценах совершенного убийства, повторяемого в их сновидениях. При этом 41 осужденный видел во снах свои жертвы только живыми, а 5 – живыми и мертвыми. С позиций психологии такая особенность сновидений объяснима следующим образом. Когда мы бодрствуем, окружающие нас лица или предметы служат более существенным раздражителем, чем наши воспоминания. А во время сна этот слабый раздражитель-воспоминание не встречает преград и начинает действовать значительно сильнее. Вот почему в сновидениях людей умершие лица, как правило, предстают живыми [8, с. 129].

43 респондентам снились фантастические сцены собственного расстрела. 48 опрошенных страдали умеренно выраженной психопатией, олигофренией, инфантилизмом и функциональными нарушениями высшей нервной деятельности (согласно заключениям экспертиз), 45 из них злоупотребляли алкоголем.

Только 5 респондентов сообщили, что акт убийства и личность потерпевшего в сновидениях не отражались. Во всех этих случаях убитые были незнакомые и мало знакомые люди, а преступления совершались в процессе спонтанных конфликтов, в состоянии значительного алкогольного опьянения.

Два респондента заполнили часть анкеты (содержащей правовые, социальные и психологические аспекты), но отказались говорить о своих снах. Опрашиваемый В. написал: «Интересного я в этих снах ничего не нахожу. Это, по-моему, пострашнее любой смертной казни. Извините меня, но я не могу и не хочу говорить об этом, так это страшно». Респондент П. отметил: «Сны нельзя рассказывать. Кто не знает – все равно ничего не поймет, а кто умеет их «читать» – о многом догадается. У каждого человека есть своя тайна».

В 12 случаях сновидения осужденных отражали картину их приготовления к совершению преступления (такие сны появлялись с разными интервалами до наступления будущего криминального события – от 2 месяцев до 5 лет). Во всех случаях речь шла о намерении убить близкого человека (родственника, хорошего знакомого). Мотивы преступления здесь были разными (месть, зависть, корысть), и не всегда опрашиваемый их откровенно называл.

Осужденный Т., 28 лет, холостой, с незаконченным высшим образованием, не работающий, страдающий алкоголизмом, в разные числа октября 1989 г. убил двух своих давних знакомых – Ж. и Ч. С каждым из них он вначале распивал спиртное, а когда опьяневшие потерпевшие засыпали, Т. наносил им смертельные удары топором по голове. С Ч. подсудимый был дружен с детства, вместе учились в одном классе. Примерно за 6 месяцев до события преступления Т. стало сниться, как он убивает в своем доме уснувшего Ч. На допросах Т. объяснял содеянное «пьянкой», «умопомрачением». Материалы уголовного дела позволили Иркутскому областному суду при вынесении приговора заключить: подсудимый убил своего друга Ч., «испытывая чувство зависти к Ч., у которого была нормальная семья и хорошая работа, авторитет среди товарищей»[9]. Несмотря на то, что в суде Т. не признал истинный мотив содеянного, а представлял свои действия «случайными», обусловленными опьянением, анализ сновидений Т. четко показывает, что совершение преступления давно им обдумывалось и подготавливалось.

СНОВИДЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ УБИЙСТВО, КАК ИСТОЧНИК
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ
(МАТЕРИАЛЫ ОПРОСА ОСУЖДЕННЫХ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ)

В 6 случаях посткриминальные сновидения убийц содержали сцены, где фигурировала жертва преступления, с которой они были малознакомы. Во всех этих случаях убийства (и сопряженные с ними иные деяния) совершались в отношении лиц, внешность которых запечатлелась в памяти осужденных при совокупности ряда обстоятельств: достаточно длительный предкриминальный контакт с жертвой; небольшая степень опьянения убийцы, позволяющая запомнить облик жертвы; сильные психотравмирующие впечатления от содеянного.

Так, жители г.Усоля-Сибирского П. и К. познакомились в кафе с 20-летней Ш., которую под предлогом покататься на автомашине заманили в гараж П. Здесь преступники избили потерпевшую, поочередно изнасиловали ее и сообща задушили. Труп вывезли на окраину города, где расчленили и за несколько приемов сожгли (1983 г.). Преступление было раскрыто 2 года спустя, подсудимые ввели себя неискренне, перелagая вину в содеянном друг на друга. Каждый отводил себе роль стороннего наблюдателя. Трибунал Забайкальского военного округа признал П. и К. виновными в совместном изнасиловании и убийстве Ш., приговорив каждого к смертной казни.

Один из авторов принимал участие в расследовании данного дела. Затем, в процессе опроса этих осужденных, содержащихся в камерах смертников, каждый из них описал свои сновидения, где фигурировали разные этапы инкриминируемого деяния, а также – активная роль каждого осужденного. Содержание сновидений К. и П. с большой степенью достоверности соответствовало основным аспектам обвинения. Иначе говоря – анализ сновидений осужденных подтверждал их предварительный сговор и согласованные преступные действия в отношении Ш., облик которой часто являлся им во снах. Приговор в отношении обоих приведен в исполнение [10].

Небезынтересно, что еще в начале XX века в России был издан сборник «Против смертной казни». В нем врач Н.Н.Баженов в статье «Психология казнимых» доказывал, что психическое состояние человека, приговоренного к смертной казни, может быть расценено, как экспериментальный психоз [11, с. 155]. Однако, как справедливо отмечает проф. Н.Г.Шумский, «благодаря эмоциональным изменениям, проявления психоза могут быть «тихими», а поведение подэкспертного – упорядоченным» [12, с. 363]. Нужно сказать, что психология лиц, осужденных к смертной казни в царской России, почти не нашла отражения в специальных источниках [13], а в советский период таких опубликованных исследований нам вообще неизвестно.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Изучение сновидений убийц позволяет в определенных случаях выявлять такие аспекты содеянного, обычно скрываемые виновными лицами от следствия и суда, как истинная мотивация преступления, вынашивание и формирование умысла на совершение убийства, предварительный сговор с соучастниками, согласованность своих действий с ними при осуществлении деяния и т.п.

2. Получение показаний от убийц о содержании их сновидений на стадии досудебного следствия может, в ряде случаев, быть использовано для назначения психологических и психиатрических экспертиз, когда соответствующие специалисты

сделают выводы, позволяющие следователю установить ряд важных для дела обстоятельств.

Литература:

1. Бюбнер. Криминалистическое значение сна // Бюллетень ОУР Центрального Административного Управления НКВД РСФСР. 1928, № 16 (перевод с немецкого).
2. Тимофеев Н.Н., Касаткин В.Н. и др. Синдромы психических заболеваний и сновидная деятельность мозга больных, совершивших общественно-опасные действия // Труды кафедры психиатрии ГИДУВа. Л., 1971. С.15-21.
3. Китаев Н.Н. Экспертиза сновидений серийного убийцы как средство доказывания вины // Дальневосточные криминалистические чтения. Вып. 4. Владивосток. 1999. С.105-107.
4. Сатуев Р.С. Сновидение: криминалистический фантом или нетрадиционное средство получения значимой для выявления и расследования преступлений информации // Роль и значение деятельности Р.С.Белкина в становлении современной криминалистики: Материалы международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С.Белкина). М., 2002. С.245.
5. Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство. Дисс...канд. юрид. наук. – Томск. 1994. С. 166.
6. В Иркутском СИЗО приводились в исполнение смертные приговоры, вынесенные Верховными судами республик Бурятия и Якутия, областными судами Иркутской и Читинской областей, а также трибуналом Забайкальского военного округа.
7. В разработке анкеты принимал участие В.Н.Касаткин.
8. Мезенцев В.А. О суевериях – всерьез. М., 1989. С.129.
9. Лист 3 приговора. Уголовное дело № 2-105-91. Архив Иркутского областного суда, 1991.
10. Архив трибунала Забайкальского военного округа, 1986. Уголовное дело № 2-39.
11. Баженов Н.Н. Психология казнимых // Против смертной казни. Изд. 2-е. М., 1907. С.155.
12. Шумский Н.Г. Диагностические ошибки в судебно-психиатрической практике. СПб, 1997. С.363.
13. Ковальницкий Л. Последние дни жизни преступника, осужденного на смертную казнь. СПб., 1893.

Пост упила в редакцию: 28.11.2005 г.